

## Часть 1

Наступил новый день, но, к несчастью, он прошел так же быстро, как и наступил, так и не дав Сакуте возможности извиниться перед Май.

Он надеялся, что тем утром они встретятся в поезде, но не тут-то было. Не желая терять время, как только закончился первый урок, он сразу же пошел в класс 3-1 (класс в котором она учится), но ее нигде не было видно.

Он попытался расспросить девушку, стоявшую возле двери ее класса, но она выглядела какой-то раздраженной, — Сакурадзима? Я не знаю, она вообще здесь сегодня? — сказала она и тут же повернулась к своим друзьям, — Значит, вчера я пошла...

— ...

Он оглядел класс, в котором училась Май. Мальчишки смеялись как идиоты, девчонки визжали над рассказами друг друга — класс был полон шума. Во время перемен все ученики, независимо от их года обучения, вели себя схожим образом. Он представил себе Май, сидящую в одиночестве, окруженную этой суматохой, и почувствовал боль в груди.

— А где она сидит?

— Что? А, вон там.

Девушка указала на дальнюю парту во втором ряду от окна. Убедившись, что на нем висит школьный портфель, Сакута вернулся в свой класс.

После этого он навещал ее класс на каждой перемене, но ему так и не удалось застать Май. Ее сумка всегда была там, а учебник по следующему предмету лежал на столе, так что она явно была здесь, но его попытки найти ее были тщетны.

Его последний шанс найти ее был после школы. Сакута сразу же направился к выходу, как только закончился классный час. Он внимательно оглядывался по сторонам, высматривая Сакурадзиму. Так он прождал около двадцати минут.

Когда стало ясно, что он разминутся с ней, Сакута пошел по дороге, ведущей к станции, в надежде найти ее по пути. Но не было никаких признаков ее присутствия. На платформе станции Шичиригахана ее также не было.

Мало того, что он не смог помириться с ней, он даже найти ее не смог.

Если такое продолжается на протяжении трех дней, то даже идиот поймет, что она намеренно

избегает его.

И, судя по всему, она явно не собиралась останавливаться.

Так пролетели две недели. Май по-прежнему избегала Сакуту.

Накануне он целый час простоял на станции, надеясь встретиться с ней, но и это не принесло никаких плодов. Должно быть, она прошла весь путь до следующей станции пешком.

Май действительно все усложняла.

Возможно, она овладела этими приемами, избегая папарацци. Казалось, она и вправду могла раствориться словно туман.

— Та «мина» оказалась куда более серьезной, чем я предполагал.

Ее целеустремленность с каждым днем все больше проясняла этот факт.

Уговоры вернуться на работу очевидно разозлили ее, но спусковым крючком почти наверняка послужило слово «менеджер».

Было ли это причиной ее перерыва и почему она не решалась вернуться на работу, несмотря на явное желание?

Сакута воспользовался школьным компьютером, чтобы выяснить, почему Май Сакурадзима взяла перерыв, но все, что он обнаружил, было глупыми домыслами и злонамеренными слухами. «Устала от работы?», «Должно быть, это как-то связано с ее продюсером», «У нее, наверно, появился парень». Никакой стоящей информации.

Ему оставалось только спросить ее напрямую, но это было невозможно до тех пор, пока она избегала его. Он оказался в тупиковой ситуации.

Уверенный, что погоня за ней ни к чему не приведет, Сакута решил, что ему нужно сменить тактику. Он был на дежурстве по уборке, но как только закончил, сразу же направился в научную лабораторию.

Чтобы повидаться с еще одним другом.

Он постучал в дверь и открыл ее, не дожидаясь ответа.

— Надеюсь, я не помешал, — сказал он, закрывая за собой дверь.

— Вообще-то помешал. Уходи, — достаточно резкий ответ.

В довольно большой лаборатории находилась только одна ученица. Она сидела за столом, которым пользовалась учительница на уроках. На столе стояли спиртовая горелка и мензурка. Она даже не удосужилась взглянуть в сторону Сакуты.

Миниатюрная девушка ростом чуть более пяти футов с очками на глазах. Белый лабораторный халат, одетый поверх школьной формы, сильно привлекал внимание, а ее необычайно прямая осанка придавала образу некоего хладнокровия.

Ее звали Рио Футаба. Второгодка школы Минагахара. В прошлом году она училась в одном классе с Сакутой и Юмой. Она была единственным членом научного клуба. Эксперименты, которые она проводила там, привели к тому, что в школе случился перебой с подачей энергии и начался небольшой пожар, так что у нее была репутация достаточно странного человека. Ее отлчительно белый лабораторный халат только усугублял ситуацию.

Сакута придвинул к себе ближайший стул и сел напротив Рио.

— Как жизнь?

— Ничего такого, о чем бы стоило тебе рассказывать.

— Расскажи какую-нибудь веселую историю!

— Ты говоришь, как типичный старшеклассник, у которого куча свободного времени. Не трать мое время на эту чепуху.

Она смотрела на него достаточно долго. Должно быть он и в самом деле помешал.

— Ну да, старшеклассник с кучей свободного времени, тут ты попала в точку.

Футаба проигнорировала его попытку поддержать разговор и зажгла спичкой спиртовую горелку. Затем она наполнила мензурку водой и поставила ее на огонь. Какой-то эксперимент?

— А у тебя как дела, Азусагава?

— Ничего особенного.

— Лжец. Ты одержим бывшей детской актрисой.

Не было никакой необходимости выяснять, кого она имела в виду. Это могла быть только Май.

— Она давным-давно избавилась от этого ярлыка. Теперь она настоящая актриса.

Но поскольку у Май сейчас был перерыв, то этот термин тоже не совсем подходит под данный случай.

— И вообще, кто тебе об этом рассказал?

— Глупый вопрос.

— Понятно, должно быть, Куними.

Только Юма знал, что происходит в жизни Сакуты. А единственными людьми в школе, которые бы могли поговорить с чудачкой в белом халате, были Азусагава и Куними. Что и требовалось доказать.

— Он беспокоится о тебе. Ты опять ввязываешься в неприятности.

— Эй, что ты имеешь в виду под словом «опять»?

— Даже представить себе не могу, как можно волноваться о ком-то вроде тебя. Куними слишком добр.

— Если ты когда-нибудь поймешь, как он может быть способен на это, то тебе придется рассказать мне об этом.

Фраза «выдающаяся личность» была придумана специально для Юмы. Азусагава искренне верил в это.

В прошлом году, когда разговоры об инциденте с госпитализацией заполнили школу, Юма был единственным, кто продолжал относиться к Сакуте так же. Он не только не верил слухам, но и, когда их поставили в пару на уроке физкультуры, прямо спросил, являются ли они правдивыми.

— Конечно нет.

— Я так и думал, — Юма усмехнулся.

— ...Ты согласишься мне на слово?

Сакута был поражен. Большая часть класса незамедлительно поверила слухам, отстранившись подальше от него, даже не удосужившись спросить.

— Я имею в виду, это же неправда, так?

— Нет, но...

— Не важно в какой день, я поверю на слово человеку, даже если это аноним в интернете.

— Ты хуже всех, Куними.

— А? Почему это?

— Из-за твоего лица и характера ты враг всех парней.

— Агааа.

Это было около года назад. Они и по сей день оставались не разлей вода.

Пока Сакута рассеянно смотрел на пламя горелки, мысли в его голове не переставали метаться.

— Мир просто несправедлив, — сказала Рио, и в ее взгляде, устремленном на него, читалась жалость, — Подумать только, что люди могут оказаться такими разными.

— Я бы предпочел, чтобы меня не сравнивали с Куними.

— Я просто решила тебя позлить. Не обращай внимания.

— Как же тут не обращать? Но, ладно, у парней по типу Куними, как правило, есть причудливые фетиши, которые они держат в секрете. Именно так мир поддерживает баланс в распределении людей с удивительными личностями.

— Ты как всегда хуже всех, Азусагава, — вздохнула Рио.

— С чего это вдруг?

— У тебя есть друг, который всерьез беспокоится о тебе, а ты говоришь за его спиной столь неприятные вещи.

Он не мог с этим поспорить.

— ...Пропасть между мной и Куними иногда вгоняет меня в депрессию.

— Что ж... — Футаба сделала многозначительную паузу.

— А?

Вода в мензурке начала закипать.

— Ты наконец-то перестал заикливаться только на Макинохаре.

— ...Куними сказал то же самое. Зачем было ее вспоминать?

— Ты должен знать ответ на этот вопрос лучше, чем кто-либо другой.

Девушка погасила огонь в горелке и налила горячую воду в кружку. Затем добавила растворимый кофе. Очевидно, она не проводила никакого эксперимента.

— А мне нальешь кофе?

— Боюсь, у меня только одна кружка. Не мог бы ты воспользоваться этим смесительным цилиндром?

Длинная и одновременно тонкая стеклянная трубка была сантиметров тридцать в длину. Рио, похоже, считала, что это вполне приемлемый вариант.

— Если бы я попробовал выпить кофе из этой штуки то, скорее всего, я бы все разлил, да и обжегся бы.

— Мы должны провести эксперимент, чтобы проверить, верна ли твоя гипотеза. В любом случае тут нет ничего другого, что можно было бы использовать.

— Почему бы не воспользоваться мензуркой, в которой ты кипятила воду?

— Слишком очевидно, — проворчала она. Но все же она добавила немного растворимого кофе в оставшуюся в мензурке воду.

— А сахар есть?

— Я им не пользуюсь.

Рио достала из ящика стола пластиковую бутылку и поставила перед ним. На этикетке было написано: «Диоксид марганца».

— Ты уверена, что это безопасно?

— Ну, по виду он белый, так что не должно быть каких-либо проблем.

— Существует бесчисленное множество других белых порошков. Даже я это знаю.

Но он также знал, что диоксид марганца был черный.

— Попробуй чуть-чуть, чтобы убедиться наверняка, — предложила Футаба.

Сакута предпочел вместо этого выпить кофе без сахара.

Рио выглядела слегка разочарованной. Она снова зажгла спиртовую горелку. Он задался вопросом, будет ли это каким-то экспериментом, но ответ стал очевидным, когда она накрыла ее решеткой для гриля и начала поджаривать сушеного кальмара. Его щупальца свернулись под действием жара.

— Можно и мне немного?

Парень не был уверен, что кальмар подойдет к кофе, но ароматный запах вызывал у него чувство голода.

Рио оторвала одну щупальцу и отдала ему.

Пока он его жевал, Сакута наконец заговорил на главную тему:

— Футаба... возможно ли перестать видеть человека?

— Если ты беспокоишься о своем зрении, то обратись к окулисту.

— Я не об этом... К примеру, что, если он существует на самом деле, но ты его не замечаешь. Словно он невидимка.

В случае с Май люди не только не видели ее, но и не могли слышать ее голос, так что «невидимость» тут не подходила... но с этого и следовало начать.

— Интересуешься, потому что хочешь пробраться в женский туалет?

— Такое меня не интересует. В следующий раз если соберешься наговаривать на меня, то представляй более приличные ситуации, например, с раздевалкой.

— Ты негодяй и всегда им будешь.

Рио полезла в сумку и достала свой телефон.

— Кому ты звонишь?

— В полицию.

— Они не могут ничего предпринять, пока не совершено преступление.

— Хороший аргумент.

Она убрала телефон.

— Но что касается твоего первоначального вопроса, то процесс зрительного восприятия описан в нашем учебнике по естествознанию. Почитай разделы про свет и линзы.

Она достала книгу, о которой шла речь, и передала ему.

— Я спрашиваю тебя потому, что у меня нет желания читать все это.

Сакута вернул книгу обратно.

Рио беззаботно откусила кусочек кальмара.

— Свет - ключ ко всему. Свет попадая на предмет отражается от него, в свою очередь отраженный свет попадает в наши глаза, позволяя нам воспринимать цвета и формы. В темноте, без света, мы ничего не видим.

— Отраженные световые волны...

— Если тебе это ни о чем не говорит, то подумай о звуке. Например, как дельфины общаются, используя звуковые волны.

— Ты имеешь в виду... каким образом они измеряют расстояние, оценивая, как звуковые волны отражаются от окружающих их объектов?

— Да. Они даже могут определить их форму. Прямо как гидролокатор на корабле. Трудно представить это со светом, потому что мы действительно видим свет, попадающий в наши глаза, только когда он очень яркий.

— Хм.

— Но стекло прозрачное и не отражает свет, поэтому его труднее увидеть.

— Ааа, понятно.

Может ли это означать, что световые волны по какой-то причине не достигают Май? Для актрисы, находящейся на перерыве, эти слова звучали подобно злобной шутке.

Сакута задался вопросом, не следует ли ему рассмотреть вариант, при котором тело Май, подобно бесцветному прозрачному стеклу, не отражает свет. К сожалению, даже если бы все было именно так, то многие вещи все еще оставались необъяснимыми.

Например, люди, не слышащие ее голоса. Или как одни могли видеть ее, а другие нет. Ее ситуация казалась гораздо более сложной.

— Пожалуй, ты мне очень помогла.

— Неужели? — спросила Рио с большим подозрением.

— Футаба, ты считаешь меня идиотом, да?

— Нет.

— Значит, ты считаешь меня мега-идиотом?

— Ты прекрасно знаешь, что я пытаюсь сказать, но все равно теряешь время на расспросы. Это отвратительно.

— Как грубо.

— Я думаю, что ты понимаешь намеки, но ты слишком отвратителен, и притворяешься, показывая обратное.

— Ладно, прости! Отныне никаких колкостей!

— То, как ты выкручиваешься в таких ситуациях еще хуже.

Рио бесстрастно отхлебнула кофе.

Сакута решил, что будет лучше вернуться к главной теме разговора.

— Эм, давай немного конкретнее. Скажем, я сижу здесь прямо перед тобой. Возможно ли, что ты не сможешь меня увидеть?

— Если я закрою глаза.

— Ну а если твои глаза открыты и смотрят прямо на меня?

— Вполне возможно.

Это было совсем не то, что он ожидал услышать. Более того, она не колебалась ни секунды.

— Я просто должна сосредоточиться на чем-то другом или очень сильно переутомиться. Настолько, что я не замечаю твоего присутствия.

— Нет, я имел в виду совсем другое...

— Выслушай меня. Давай перестанем смотреть на это с точки зрения света. Если мы говорим про зрение, то работа человеческого мозга может оказывать большее влияние, чем физические явления.

Должно быть, у девушки кончился кофе, ибо она еще раз наполнила мензурку и поставила ее над спиртовой горелкой.

— Например, для тебя я могла бы показаться маленькой, но в глазах ребенка я выглядела бы довольно большой.

— Ты объективно большая, Футаба. Просто ты пытаешься скрыть свою фигуру под лабораторным халатом, тем не менее, ее все равно видно.

Его взгляд остановился на двух выпуклостях ее груди.

— Т-ты, оставь мою грудь в покое!

Она прикрыла руками свою грудь. Чересчур женственно.

— Ой, прости, деликатная тема?

— У тебя нет ни чувства такта, ни стеснения, не так ли, Азусагава?

— Должно быть, я уронил их где-то поблизости.

Он оглядел комнату в поисках.

— Если ты не собираешься слушать всерьез, уходи. Лекция окончена! — Рио встала со своего места.

— Извини, я обещаю, что выслушаю тебя. Даже на грудь не буду пялиться.

— Тогда перестань ее упоминать!

По правде говоря, он вполне мог дать обещание не смотреть, но он не был уверен, что сможет до конца сдержать его. Взгляд юноши на подсознательном уровне тянулся к ним, и не стань он сейчас девушкой, последующее станет для него серьезным испытанием.

Он сделал глоток кофе и сменил тему разговора.

— Так ты хочешь сказать, что... то, что мы видим, субъективно?

— Верно. Мы просто не замечаем того, что не хотим видеть. Человеческий мозг вполне способен на подобное.

Для того, чтобы притвориться, люди всегда говорили, будто они ничего не замечают: «с глаз долой, из сердца вон», «даже не заметил», «это ускользнуло от моего внимания». Было много похожих выражений, так что фраза была знакомой.

Но то, о чем говорила Футаба, казалось, прямо опровергало его смутные представления о том, что происходит с Май.

Грубо говоря, текущая теория Сакуты заключалась в том, что люди не могли ее видеть, потому что Май играла роль «атмосферы». Он думал, что причина кроется в ней.

Но Рио говорила так, словно все проблемы исходили от наблюдателя. Согласно ее предположению, мысли или намерения того, за кем наблюдали, не имели значения.

— Ну, например, существует «Эффект наблюдателя», — сказала девушка, внося новые понятия в диалог, прежде чем Сакута смог полностью переварить старую информацию.

— Чего? — он уставился на нее.

— Говоря простым языком, все существующее начинает достоверно существовать только с приходом наблюдателя. Поначалу звучит довольно дико, верно? — спросила Футаба. Сама она, похоже, не имела особого мнения на этот счет, — Ты ведь знаешь про кота в коробке? — Кот Шредингера.

— По крайней мере, я слышал это имя.

Рио вытащила пустую картонную коробку из-под стола и поставила ее перед Сакутой.

— Предположим, что в этой коробке находится кот, — она нашла копилку в форме кота и положила ее в коробку. Учитель физики использовал ее для хранения монет номиналом 500 иен. Копилка казалась подозрительно легкой. — Вместе с радиоактивным элементом, атом которого распадается каждый час, — она поставила в коробку мензурку, полную кипятка, — И, наконец, контейнер с каким-нибудь ядовитым газом, крышка которого откроется в случае распада этого атома. Если крышка откроется, кот вдохнет ядовитый газ. Будем считать, что это всегда фатально, — она добавила пластиковую бутылку с надписью: «Диоксид марганца», — Закрываем коробку и ждем тридцать минут, — сказала девушка, закрывая коробку крышкой, — Итак, у нас есть коробка, пролежавшая так тридцать минут.

— Мы что, находимся на кулинарном шоу?

Рио проигнорировала его комментарий.

— Как ты думаешь, что случилось с котом?

— Хм... получается, радиоактивный элемент может испускать радиацию в любое время в течение часа? И если он это сделает, то ядовитый газ заполнит коробку.

Рио кивнула.

— Значит, если прошло всего тридцать минут, что является половиной часа, тогда... шансы пятьдесят на пятьдесят?

— Я удивлена! Ты действительно понял.

— Если бы я даже этого не понял, значит, я либо действительно глуп, либо вообще не слушал.

— Так кот жив или мертв?

— Ну, пятьдесят на пятьдесят, верно? Мы могли бы встряхнуть коробку и выяснить это.

— Коробка сделана из стали и зафиксирована на месте так, что не может двигаться.

Она указала на коробку, которая явно была картонной.

— Тогда я верю, что он все еще жив!

— В данной ситуации твое мнение не играет никакого значения.

— Тогда зачем спрашивать?

— Единственный способ определить состояние кота – посмотреть на него.

— Вау, слишком просто.

Футаба подняла крышку. Естественно, кот-копилка, мензурка и бутылка из-под диоксида марганца по-прежнему оставались внутри.

— В момент, когда мы поднимаем крышку, мы определяем состояние кота. Другими словами, пока мы не поднимем крышку, кот будет и жив, и мертв одновременно. Во всяком случае, согласно квантовой механике.

— Бессмыслица какая-то. Что, если он умер через десять минут после того, как мы закрыли крышку? Нет необходимости ждать еще двадцать минут. Кот по-прежнему мертв.

Для кота, по крайней мере, его жизнь закончилась. Предположительно, их девять... но мертвый кот – это мертвый кот.

— Я же говорила, что это нелепо, не так ли? Ну, даже если ты игнорируешь квантовую интерпретацию, я думаю, что в мысленном эксперименте есть доля правды.

— Какая правда? — Сакута подумал, что все это звучит довольно подозрительно.

— Люди видят мир только таким, каким хотят его видеть. Слухи о тебе – прекрасный тому пример, Азусагава. Люди верят слухам, но не правде. Перенося эту аналогию на реальный мир – ты кот в коробке, а остальные студенты – наблюдатели.

Субъективные впечатления наблюдателей имели приоритет над реальным содержимым коробки... вот к чему, похоже, клонила девушка. Точка зрения парня не имела значения, важно было только то, что о нем думали наблюдатели.

— Не смешно...

Но это также не совсем соответствовало тому, что происходило с Май. Сакута мог видеть ее, другие – нет, и он понятия не имел, какие обстоятельства заставляют ее оставаться незамеченной.

Все это было довольно интересно, но все еще не укладывалось в голове.

Было сомнительно, сможет ли физика реального мира когда-нибудь объяснить такое сомнительное явление, как «Подростковый синдром». Крупицы информации, которые он только что узнал, казались потенциальными зацепками, но чем больше он говорил с Футабой, тем сложнее все казалось.

Может быть, то, что происходило с Май, нельзя было решить, просто вернувшись к работе. Сакута почувствовал, как в груди у него все сжалось. Все, о чем говорила Рио, было с точки зрения наблюдателей, так что... судя по всему, изменений со стороны Май будет недостаточно.

— Кроме всего прочего, было доказано, что в некоторых ситуациях наблюдение изменяет результаты, — сказала Рио.

— Неужели?

— Эксперимент с двумя щелями. Если говорить кратко... в зависимости от того, когда начинали наблюдение за экспериментом, результаты начинали разниться.

— Ну, к примеру, когда сборная Японии играет в футбол, и я вижу только окончательный счет в новостях, который гласит, что они выиграли, но если бы я пошел смотреть матч, то они проиграли бы?

— Я говорю строго о частицах в микромире. Положение частиц существует с точки зрения вероятности – не как материи, а в форме волн. Наблюдение за ними превращает их в материальную форму.

— Вся эта микро всячина, связанная вместе, формирует людей и вещи, верно?

Молекулы, атомы, электроны... даже Сакута знал, из чего сделаны люди и вещи.

— Если то, что я описала, может произойти в микромире, то твоя интерпретация верна. Кроме

того, ради сборной Японии тебе лучше больше не смотреть футбол. Seriously, не надо, никогда.

Хороший совет. Когда он одобрительно кивнул, из громкоговорителя раздался голос:

«Юма Куними, Класс 2-2. Пожалуйста, встретьтесь с консультантом баскетбольной команды, Мистером Сано, в кабинете учителя».

— ...Что он натворил?

— Он - не ты, Азусагава. Наверное, решили пересмотреть расписание тренировок команды.

Рио не казалась заинтересованной, но она определенно прикрывала Юму.

Он повернулся, чтобы посмотреть на громкоговоритель, а это значит, что он также видел часы рядом с ним. Было чуть больше трех.

— Ой, мне пора на работу.

— Тогда иди.

— Большое спасибо. И за кофе тоже.

— Благодарю руководителя научного клуба. Это не мой кофе.

Девушка показала ему имя, написанное на крышке банки растворимого кофе.

— Ну, кто заметит пропажу нескольких ложек кофе? — сказал Сакута.

Он встал, перекинул сумку через плечо и направился к двери.

Но когда он потянулся к ручке двери, его осенила мысль, и он оглянулся. Рио регулировала пламя на горелке Бунзена, предположительно, готовясь провести настоящий эксперимент.

— Футбола.

— Мм?

Ее глаза были прикованы к голубому пламени.

— У тебя все хорошо с Куними?

— ...

Она подняла на него дрожащие глаза.

— Я...

Она быстро попыталась ответить, но слова у нее в горле встали колом. Она даже не могла сказать, что с ней все в порядке. Был слышен легкий писк в ее голосе, и он мог сказать, что она напряглась, дабы это не отразилось на ее лице.

— Я как-нибудь переживу, — сказала она, слабо улыбаясь, отказываясь от мысли настаивать на том, что с ней все в порядке.

Сакута не мог предложить какого-либо утешения. Парень мог лишь наблюдать за безответной любовью Футабы со стороны.

— Ты опоздаешь на работу, — сказала она, дернув подбородком, чтобы он убрался.

И с этими словами Сакута покинул лабораторию.

Закрывая за собой дверь, он поймал себя на том, что бормочет: «Переживешь? Это же просто означает, что ты не можешь смириться с этим».

## Часть 2

— Азусагава! — крикнул его менеджер, — Сделай перерыв перед вечерним наплывом посетителей.

— Ладно.

Сакута направился к зоне отдыха в задней части ресторана, которая одновременно служила и мужской раздевалкой. Там он увидел Юму, выходящего из-за шкафчиков, только что закончившего переодеваться в свою форму. Он пришел прямо с тренировки, однако совсем не выглядел уставшим.

— Йоу, — сказал Юма, заметив Сакуту. Он надевал свой фартук.

— Угу, — буркнул Сакута, хмуро глядя на раздражающе приятную улыбку друга.

— Перерыв?

— Иначе я бы обслуживал клиентов в зале.

— Справедливо... Ладно, я готов.

Он потуже затянул фартук и оглядел себя в зеркале.

— Ах да, Сакута, — сказал Юма, словно вспомнил что-то.

— Мм?

Юма сел за стол и налил себе чашку чая из чайника. Он сделал глоток.

— Ты что-то от меня скрываешь.

— Подбери выражения. Ты что, моя девушка? — усмехнулся Сакута, пытаясь скрыть свое удивление. Первое, что пришло на ум – разбитое сердце Рио, но Юма быстро дал понять, что говорит совсем о другом.

— Я не шучу. Я говорю про случившееся с Камисато.

— Ох...

Немного успокоившись, Сакута все же отвел взгляд. Ему тоже не хотелось говорить об этом. Но Юма явно узнал о том, что Саки Камисато вызвала его на крышу две недели назад.

— Ты выбрал настоящую милашку, Куними.

— Думаешь? Саки великолепна.

— Камисато велела мне больше никогда с тобой не разговаривать.

— Она хочет монополизировать меня! Ее любовь так сильна.

— По ее словам, твоя репутация упадет, если будешь общаться со мной. Ты уже чувствуешь, как становишься непопулярным?

— Мда, ну... извини! — Юма хлопнул в ладоши и склонил голову.

— Ты - нечто другое.

— Как это?

— Несмотря на все эти неприятные ситуации, я не могу заставить тебя хоть раз усомниться в ней.

— Ну, я в нее влюблен. Иногда она, конечно, может увлечься, но Саки честна со своими эмоциями! Она замечательная девушка.

Сакута подумал, что она могла бы быть немного менее честной...

— Ты говоришь, словно жена, состоящая в отношениях, где ее избивает собственный муж-тиран, — сказал он.

— Ты имеешь в виду те семьи, в которых жена говорит: «Клянусь, иногда он хороший»? Не смеши меня.

— Ладно, не беспокойся обо мне. Что бы там ни говорила Камисато, меня это не волнует.

— Ты мог бы хоть немного побеспокоиться, — рассмеялся Юма.

— Думаю я также должен извиниться.

— За что?

— Никто не желает слышать, как кто-то жалуется на их девушку.

— Не парься.

— Камисато не оценила бы твоих слов.

— Определенно, — Юма снова ухмыльнулся, — Но это неважно. Сакута, не подумай неправильно. Если ты начнешь избегать меня «ради моего же блага» или что-то в этом роде, я серьезно разозлюсь.

— Не вини меня, если позже это приведет к ссоре между вами, влюбленные голубки.

— Мы решим это, если будет необходимо. Но я почти уверен, что весь ее гнев просто обрушится на тебя.

Это звучало куда хуже.

— Да ладно тебе, приятель. Это неправильно!

— Ты же сказал, что тебя не волнуют слова Камисато, верно? — Юма улыбнулся так, словно только что одержал победу, — Это лишь доказывает, что мужчина, способный спросить девушку, не начались ли у нее «эти» дни, сделан из более прочного материала. Ты уверен, что твое сердце не из твердой стали?

Юма от души рассмеялся. А затем взглянул на часы.

— Черт, уже пора, — заметил он, взяв свой табель учета рабочего времени.

Он направился прямо к выходу, убедившись, что управляющий его видит.

Но по какой-то причине он вернулся в комнату отдыха меньше чем через минуту. Неужели он что-то забыл? Да и что тут можно было забыть?

Однако Юма явно вернулся за Сакутой, и вид у него был такой, словно он хотел сказать что-то еще.

— Что?

— Эта репортерша опять здесь.

Хотя тон и выражение лица Юмы оставались неизменными, Сакута все же мог прочесть беспокойство, которое они скрывали. Куними прекрасно знал, что его друг не придет в восторг от этой новости.

Не обращая внимания на свой перерыв, Сакута вернулся в обеденный зал и направился напрямик к столику. За ним сидела в одиночестве женщина, которой вот-вот будет тридцать, она сидела в одиночестве в месте, рассчитанном на четверых. На ней была блузка с короткими рукавами приятного весеннего цвета и юбка чуть ниже колен. Ее естественный макияж не привлекал к себе внимания. В целом она выглядела интеллигентной, прямо как телерепортер. Кем она и являлась...

— Могу я принять ваш заказ? — профессионально спросил Сакута.

— Я тоже рада снова тебя видеть.

— Мы уже встречались?

— Значит вот так ты решил играть? Тогда позволь мне представиться. Вот моя визитка.

С привычной легкостью женщина протянула ему визитную карточку.

Логотип телевизионной станции. Отдел репортеров. В центре красовалось имя – Фумика Нандзе

Конечно, он знал, кто она такая. Впервые он встретил Фумику, когда его сестру травили в школе. В то время она работала над статьей, посвященной хулиганству в средней школе. До этого момента она на протяжении пары лет заглядывала сюда.

— Что на этот раз?

— Я приехала в город, чтобы написать статью про рыбу, но у меня выдался свободный вечер, так что я решила заскочить.

В ее голосе прозвучала нотка фальшивой задорности, но Сакута не позволил ей задеть себя. Фумика хотела только одного. Она узнала о «Подростковом синдроме», работая над статьей про издевательства, которая вызвала у нее личную заинтересованность. Естественно, она не собиралась сразу верить городской легенде, однако узнала достаточно, чтобы не быть полным скептиком. И если бы это случайно оказалось правдой, одна только новость была бы огромной сенсацией, так что она не могла просто оставить все как есть. Однажды она призналась ему в этом.

— Может, вместо этого стоило устроить себе романтическое свидание с бейсболистом.

— Заманчиво, но посреди сезона лучшие игроки всегда вкалывают.

Было шесть часов вечера. Именно в это время начинались бейсбольные матчи.

— Тем более я могу устроить себе свидание прямо здесь, — сказала она, бросив на Сакуту многозначительный взгляд.

— Женщины в возрасте меня не интересуют, извините.

— Какой же ты еще ребенок! Не можешь распознать моего зрелого очарования.

Она подперла подбородок ладонью, глядя на него снизу-вверх.

— Могу сказать, что вы набрали вес за последние несколько месяцев. Возможно, вам стоит поработать над предплечьями.

— ..!

Ее брови взлетели вверх от шока. Он определенно задел ее. Она откинулась на спинку кресла.

— Ты такой грубый, — сказала она.

— Я скорее очаровательный. Ваш заказ?

— Одного Сакуту с собой.

— Вы, кажется, сошли с ума, — бесстрастно ответил он, — Не хотите ли вместо этого вызвать скорую?

— Чизкейк и горячий кофе, — потребовала она, даже не взглянув на меню. Фумика всегда заказывала здесь одно и то же. Это была привычка, которую Сакута обычно связывал с мужчинами.

— Что-нибудь еще?

— Ты все еще не хочешь поговорить об этом? — она вытащила из кармана телефон и проверила электронную почту, — Мне не помешала бы фотография шрама на твоей груди.

— Этому никогда не бывать.

— Никогда? — она провела пальцем, прокручивая что-то на своем экране.

— Вы позволите мне сфотографировать вас голой взамен?

— Конечно, почему бы и нет?

— А вы на удивление игривая.

— Но только для личного пользования, хорошо? Если такое окажется в сети, я потеряю работу.

Сакута решил, что ему не следует продолжать разговор, он развернулся, собираясь уходить.

Но спустя всего несколько шагов его озарило идеей.

— Эм... — начал он, оборачиваясь.

— Мм? — женщина не отрывала взгляда от телефона.

— Нандзе... — он немного поколебался, потом спросил:

— Вы знаете Май Сакурадзиму?

— А кто ее не знает?

Она все еще не поднимала глаз.

— Не знаете ли вы, почему она ушла из шоу-бизнеса?

Он был в курсе, что Фумика иногда пишет статьи про сплетни о знаменитостях.

— ...

Она смотрела на него с удивлением, явно ошарашенная вопросом. Но это вскоре уступило место любопытству. Теперь ей хотелось знать, почему он задал этот вопрос.

Сакута понял это по ее лицу, но она не произнесла вопроса вслух.

— Я знаю кое-что, что, по крайней мере, не было обнародовано.

— Тогда...

— Так что? Это просьба ребенка? Или равный обмен между взрослыми?

— Не обращайтесь со мной как с ребенком.

— Хорошо. Тогда ты должен понимать, что за просто так я ничего не скажу.

— Если одного моего фото хватит...

— Хе-хе. Считай мы договорились.

Фумика убрала телефон обратно в сумочку и посмотрела на кресло напротив. Сакута сел. И вот уже двое взрослых делили стол.

Азусагава работал до девяти, а по дороге домой зашел в круглосуточный магазин. Затем

прошел по пустынным жилым улицам, прежде чем, наконец, добрался до своей квартиры после десятиминутной прогулки.

С помощью лифта он поднялся на пятый этаж, где кто-то поджидал его у дверей квартиры.

Май сидела у стены в своей школьной форме. Руками она обхватила свои ноги. Колени и бедра плотно прижаты друг к другу, только голени были раздвинуты. Должно быть, она проскользнула вместе с кем-то через автоматические двери у подъезда.

Когда он приблизился, она злобно посмотрела на него.

— Наконец-то ты дома.

— Я был на работе.

— А где ты работаешь?

— Семейный ресторанчик неподалеку от станции.

— Охх...

— Май.

— Что?

Он хлопнул в ладоши. Затем поднял два пальца. После сделал большой круг, подняв руки над головой. Наконец он сделал очки из пальцев и поднес их к глазам, пытаясь сказать: «Я вижу твои трусики», классическими японскими жестами.

— Шарады? — спросила она, будто он был идиотом.

Очевидно, она не поняла, что Сакута видит белые трусики сквозь ее черные колготки. Как беззащитно!

Он сдался и сказал это вслух.

— Я вижу твои трусики.

Май ахнула и оглядела себя.

— Мне... мне все равно, если какой-нибудь парень помоложе увидит мое нижнее белье! — она еще что-то пробормотала, однако все равно поспешно сунула руку между ног, натягивая юбку. Сакута удивлялся, почему он находит это более сексуальным, видя, как она пытается их спрятать, чем когда они выставлены на всеобщее обозрение.

— Ты сильно покраснела.

— Я... я сейчас очень взволнованна!

— Ух ты, сегодня все такие игривые.

— Я вовсе не резвлюсь!

Май одарила его долгим, тяжелым взглядом.

— Тогда просто встань.

Он протянул руку.

Май потянулась к нему, но прежде чем дотронуться, отдернула руку, словно вспомнила, что все еще злится на Сакуту. Она разок фыркнула, а потом встала без его помощи.

— Я не собираюсь прикасаться к руке парня, не зная, чего еще она касалась.

Она одарила его триумфальной улыбкой. Казалось, она наслаждалась собой. Но этот момент был немедленно подорван громким урчанием из ее живота.

— ...

— ...

— Боже, я так сильноооо проголодалась, — сказал он самым фальшивым голосом, на который только был способен.

— Тебе обязательно это обыгрывать?

— Дурная привычка, я знаю.

Сакута достал из сумки булочку с кремом.

Поколебавшись, она потянулась к ней. Он чувствовал себя так, словно кормит бродячую кошку.

Май разорвала упаковку и вгрызлась в булочку с кремом.

— Так, когда же ты стала вечно голодной?

— ...

Она продолжала молча жевать.

Только когда она проглотила как следует, она сказала:

— Я не могу ничего купить в магазинах, — как будто в этом была вина Сакуты.

— Ох. Это все объясняет...

Если ее никто не видел, то Май, очевидно, не могла пробить товары на кассе. Он уже видел, как женщина в киоске на станции полностью игнорировала ее попытки купить булочку с кремом. На это было больно смотреть.

— За последние две недели появляется все больше и больше мест, где меня не могут увидеть. Теперь меня не замечают даже около станции Фудзисава. Даже если я закажу что-то через интернет, увидеть меня не смогут - поэтому я не смогу забрать посылку.

— Хочешь войти? — предложил Сакута, вытаскивая ключ и указывая на дверь, — Я сегодня щедрый.

— Звучит сомнительно, — проворчала Май, уставившись на него.

Ее явный гнев несколько не пугал. На самом деле, это было довольно мило.

— Я тебя угощу чем-нибудь.

— Нет. Если бы я зашла к парню в такое время, это было бы все равно, что дать ему разрешение делать все, что он захочет.

— Понятно! Так вот как вы сигнализируете о согласии. Буду знать.

— Забудь, что я сказала.

Она ударила его по голове.

— Ай.

— Перестань валять дурака и помоги мне с покупками.

— Ладно, подожди минутку. Надо сказать сестре, что я вернулся.

— Хорошо. Буду ждать тебя внизу.

Когда Сакута вставил ключ в замок, Май повернулась к нему спиной и направилась к лифтам.

Каэдэ ждала возвращения Сакуты, и ей потребовалось целых пятнадцать минут, чтобы успокоиться. Затем столько же времени потребовалось чтобы уговорить Май, которой пришлось так долго ждать. Продовольственный магазин находился рядом со станцией, в десяти минутах ходьбы, так что, когда они прибыли, было уже больше десяти.

Этот магазин закрывался в одиннадцать, так что там все еще была приличная толпа. Много молодых людей в костюмах. Скорее всего, холостяки заглядывают сюда по дороге домой с работы.

Сакута регулярно ходил сюда за покупками, но не часто приходил так поздно. Похоже, для него это было в новинку.

И это чувство только усиливалось оттого, что он был не один. Его спутницей была сама Май Сакурадзима.

Май шла впереди него, выбирая продукты. Ему даже нравилось толкать тележку за ней. Он не мог сдержать улыбку на своем лице.

— Мы определенно выглядим как пара.

— Что ты сказал? — спросила Май, оторвавшись от моркови, которую держала в руках.

— Ничего.

— Все нормально. Здесь меня никто не видит.

Все-таки услышала.

— Вот так я хожу в магазин впервые, да и ты согласилась приготовить мне ужин.

— Чем больше времени ты тратишь на глупые фантазии, тем глупее становишься.

Она положила морковку обратно на полку.

— Хорошо, вот серьезный вопрос.

— Неужели, сейчас? — похоже, она считала, что это было весьма сомнительно.

— Как для других людей выглядит морковь в твоих руках? Она летает в воздухе или как?

— Они попросту не видят ее, — сказала она. Разумеется, она уже это проверила.

Сакурадзима продемонстрировала это наглядно, размахивая морковкой перед лицом какого-то бизнесмена. Но он никак не отреагировал.

— Видишь?

— Пожалуй, ты права.

— Я пыталась сложить все в корзину и отнести на кассу, однако и это было бесполезно. Я имею в виду, мы уже знаем, что они также не могут видеть мою одежду.

Это было правдой. Очевидно, дело было не только в том, что ее тело становилось невидимым.

— Может быть, все, к чему я прикасаюсь, становится невидимым.

— Следуя этой логике, вся земля должна быть невидимой.

— Ты, конечно, мыслишь масштабно.

— Я предназначен для великих дел.

— Да, конечно, — сказала она, отмахиваясь.

— Но если ты прикоснешься ко мне, что тогда случится?

— Это ты так пытаешься заставить меня взяться с тобой за руку?

— Нет, просто эксперимент.

Если все, чего он хотел – прикоснуться, то это уже произошло. Когда она пришла в его комнату, то коснулась шрамов на груди Сакуты. Она также толкнула его плечом в поезде, когда шутила про беременность.

Но ни то, ни другое не привело к тому, что Сакута стал невидимым. Вполне вероятно, что ингредиенты, которые она положила в тележку и которую он толкал, станут видны, как только он дойдет до кассы.

Все чего он хотел – знать, что же происходит, когда она прикасается к нему.

— Если причина только в этом, то я не буду этого делать.

Она повернулась и пошла к мясному отделу.

Он крикнул ей вслед, внимательно следя за ее реакцией:

— По правде говоря, я просто пытался скрыть свое смущение. На самом деле я просто хочу поддержать тебя за руку.

— Иии? — сказала она, улыбаясь через плечо.

— Не окажете ли вы мне честь быть первой девушкой, взявшей меня за руку?

— Немного жутковато... Но я согласна.

Май позволила догнать себя, и затем они шли бок о бок. Сакута почувствовал, как что-то теплое прижалось к нему. Она обхватила его руку.

Удивленный, он почувствовал, как сильно забилось его сердце.

Май была достаточно высока, чтобы ее лицо находилось на уровне его глаз. Так близко, что он чувствовал, что может сосчитать ее ресницы.

— ...

Чем дольше она держалась за него, тем сильнее он ощущал прижатую к своей руке грудь. Он

хорошо познакомился с ее стройным телом, пока Май носила тот наряд девушки-кролика, однако ее грудь была необычна для кого-то с таким стройным телосложением, как у нее.

И от нее приятно пахло. У Сакуты закружилась голова.

— Признайся, твой разум улетел в мир сексуальных фантазий?

— Мои мысли в сотню раз пошлее, чем ты можешь себе представить, — признался он.

Май отпустила его.

— Но ты уже достаточно взрослая, поэтому такое не должно тебя беспокоить, — сказал он.

— Да. Молодой парень, имеющий эротические фантазии обо мне, — п-пустяк.

Чувствуя себя несколько упрямой, Май снова схватила его за руку.

— Аххх!

Даже он понял, что изданный им звук казался странным.

Стоявший рядом бизнесмен бросил на него подозрительный взгляд. Их глаза встретились. Он определенно видел Сакуту. Но, похоже, он не видел Май Сакурадзиму. Та по-прежнему оставалась невидимой.

— Эм, Май?

— Тебе этого недостаточно?

— Извини. Ты победила. Если ты продолжишь, то, по определенным причинам, мне будет трудно ходить, так что, пожалуйста, отпусти меня.

— Это твое наказание за то, что раззадорил меня.

Май, казалось, забавлялась, поддразнивая его, и не отпускала. Она выработала иммунитет к такого рода взаимодействиям.

Но держать ее за руку... едва ли это было наказанием. Скорее вознаграждение, великолепные ощущения.

— Знаешь, я только что вспомнил – разве мы не в ссоре?

— Ах да, верно.

Ее улыбка исчезла, и она отстранилась от него, выглядя при этом разочарованной. Сакута был удивлен тем, как быстро изменилось ее поведение. Он действительно не мог сказать, было ли это на самом деле, или она просто играла.

Часть его сожалела об этом выборе, но он все же сумел насладиться оставшейся частью их похода в магазин.

Подход к кассе был несколько нервным, но все, что было в тележке, пробилося без каких-либо проблем. Он заплатил, как всегда, и ему вручили пакеты, набитые овощами, мясом и закусками.

Затем они вышли из магазина. Сакута нес оба пакета.

Они с Май шли бок о бок. Он понятия не имел, куда они направляются.

— Где ты живешь, Май?

Если она ходила за покупками рядом со станцией Фудзисава, то должна была жить в нескольких минутах ходьбы от нее.

— На Земле, — сказала она.

В итоге парень просто шел в ногу с ней, позволяя ей вести себя. В данный момент они двигались в том же направлении, что и его квартира.

— Не могу дождаться, когда увижу твой дом, Май.

— Внутри я тебя не пущу, — резко ответила девушка. Она четко обозначила это.

— Оуу.

— Не веди себя как избалованный ребенок. Мы же в ссоре, забыл?

— Только потому, что ты не можешь признать правду.

— Ах вот как? Это моя вина?

— Если хочешь снова играть, значит должна.

— Не надо больше об этом, — сказала она. Ее тон был тихим, но определенно угрожающим. Это было сильнее простого отказа. Она хладнокровно отталкивала его.

— Все потому, что я ничего о тебе не знаю?

— Да. Так что занимайся своими делами.

— Жаль! Я ведь действительно знаю, почему ты бросила шоу-бизнес.

— Конечно же, — усмехнулась она.

— На третьем году средней школы у тебя была некая фотосессия.

— А?!

Май после услышанного выглядела явно встревоженной.

— Ты сказала, что никогда не будешь сниматься в купальнике, но твоя мама все равно подписала контракт, потому что знала, что это повысит продажи.

Она позировала для многих журналов, но в купальнике — никогда. И даже так она пользовалась большим спросом. На самом деле отсутствие на снимках открытых частей тела выделяло ее на фоне остальных. Ее природной красоты было более чем достаточно.

— Но ты сильно поссорилась с мамой из-за этого и решила, что лучший способ отомстить ей — уйти из шоу-бизнеса.

— ...

— Однако я считаю, что ты ведешь себя нелепо.

— Заткнись.

— Это не повод бросать то, что нравится.

— Заткнись!

— Только ты здесь кричишь! Успокойся, ты мешаешь людям спать... — прежде чем он успел закончить, ее рука ударила его по щеке. Треск эхом разнесся по тихой улице.

— Я боролась с этим изо всех сил!

— ...

— В то время я еще училась в средней школе! Но я пришла в студию, и они нацепили на меня купальник, а вокруг одни взрослые. И моя мама сказала, что мы подписали контракт, независимо от того, как сильно я этого не хочу, это ведь моя работа, поэтому я должна ее выполнить! Мне пришлось заставлять себя улыбаться!

Если бы ее жизнь была более обычной, возможно, она смогла противостоять этому. Закатить истерику, отказаться выполнять работу. Но она не обычный ребенок, а Май Сакурадзима. Уже в возрасте шести лет она работала профессиональной актрисой. Постоянно в окружении взрослых...

Закатывать сцену было плохим решением. Сакурадзима должна была прочитать атмосферу и сделать разумный выбор. Хоть она и была ребенком, но вела себя как взрослая.

— Она просто использовала меня. Для нее я была всего лишь способом заработать побольше денег.

Май разбрасывалась резкими словами, в этот момент ее голос звучал довольно мрачно.

И все же Сакута был уверен, что в этом кроется истинная причина. Сакурадзима мстила матери за то, что та обращалась с ней как с товаром.

Он мог только догадываться, каково ей сейчас. Парень никогда не испытывал ничего подобного. Сакута не мог утверждать, что понимает что-то, но в одном он был точно уверен.

— Я бы сказал, что это еще одна причина вернуться к работе.

— В смысле?

— Как бы все это не было ужасно, сейчас ты все еще страдаешь от этого.

— А?..

— Нет причин сдерживать себя, если хочешь сделать что-то – делай, раз уж я понимаю это, то ты и подавно должна, Май!

— ...

Девушка уставилась на землю, ее гнев быстро улетучился.

— ...

Она молчала почти десять секунд.

— Извини, что ударила тебя, — тихо извинилась она.

Только тогда Сакута почувствовал пульсирующую боль в щеке.

— Мои руки заняты, я даже не могу защищаться, понимаешь?

— Вот почему это был не удар, а пощечина.

— ...Большое тебе спасибо, — сказал он, ясно выражая свои чувства.

— В твоём голосе нет ни капли благодарности.

— Да, но ведь это мне дали пощечину. Ой-ой.

— Ты драматизируешь.

— Мне так больно! Я не думаю, что стану чувствовать себя лучше, пока моя добрая, красивая сэмпай не погладит меня...

— Так тебе и надо.

— Эх... Как же так?

Сакута считал себя абсолютно невиновным.

— Ты умышленно все так сформулировал, чтобы я разозлилась, — сердито сказала она.

— Я? — немного поздновато было притворяться дураком, но и признаться в этом он тоже не мог.

— Ты надеялся, что под влиянием эмоций я выболтаю что-нибудь, верно?

— Господи, нет.

— Ты очень хитрый парень.

Май протянула руку и коснулась щеки Сакуты. Он думал, что она собирается погладить его, но вместо этого она ущипнула его. Она ущипнула и ту сторону, которую не ударила, дернув за обе щеки.

— Ауу.

— Забудь, Сакута, — сказала Май, снова полностью придя в себя, — Кто тебе все это рассказал?

— ...

Его взгляд скользнул вверх.

— Не отворачивайся.

Ее хватка на его щеках стала еще крепче.

— Ай!

— Кто тебе сказал?

Не похоже, что молчание поможет ему выбраться из этой ситуации. И играть в дурака тоже не хотелось. Май знала лучше всех, как мало людей имеют доступ к этой информации. Им удавалось держать ее в тайне.

— Я знаю одну репортершу. Она брала у меня интервью, когда над Каэдэ издевались в школе.

— Кто это?

— Фумика Нандзе.

— Ах. Она.

— Ты ее знаешь?

— Когда-то она работала ассистенткой в дневных ток-шоу. Наши пути пересекались и раньше.

Кажется, вместе они провели не лучшие времена.

— Почему вы до сих пор общаетесь? Дело твоей сестры было два года назад.

— Ах, да...

— Выкладывай.

— Ну, она заинтересовалась «Подростковым синдромом». Увидела мои шрамы на груди. Она то и дело заглядывает ко мне, пытаясь заставить меня поработать с ней над этим случаем.

Когда он спросил о Май, Фумика кивнула и сказала: «Кое-что из этого – догадки, помни об этом» и упомянула, что эту информацию тщательно скрывали, чтобы она не вышла на публику.

— Значит, ты предложил ей что-то, чтобы получить информацию обо мне, — многозначительно сказала Май.

— Нет, — возразил Сакута, пытаясь заставить свое сердце перестать биться так быстро.

— Ложь. Эта женщина, похоже, думает, что она настоящий журналист, и ни один профессионал никогда не даст информацию бесплатно. Что ты предложил ей взамен?

Май определенно знала о телевизионном бизнесе больше, чем он. Он не лгал, пытаясь выпутаться из этой ситуации. И она не собиралась позволить ему отмолчаться. Он был вынужден рассказать.

— Фото. Шрам на моей груди.

Он забыл упомянуть, что они делили туалетную кабинку, когда делали снимок. А еще тот факт, что ее духи были немного возбуждающими. Эту часть он унесет с собой в могилу.

— Идиот!

— Сурово.

— Ты действительно идиот. О чем, черт возьми, ты думал?

Ее голос был прерывистым. Он мог сказать, что она была искренне взбешена.

— Ну, я хочу тебе помочь.

— ...

— Я правда хочу помочь.

Он был слишком напуган, чтобы смотреть ей в глаза. Его взгляд скользнул в сторону.

Май вздохнула, опустив свои руки. Щеки Сакуты наконец-то освободились, но все еще горели.

— Эти шрамы пробуждают в тебе болезненные воспоминания. И это может повлиять на твою сестру.

Май выглядела очень серьезной.

— Она сказала, что оставит Каэдэ в покое.

— Но если она делала этот репортаж всего два года назад, есть шанс, что кто-то найдет связь между ее историей и твоей.

— Наверное.

— Так и есть.

Май протянула руку. Не совсем понимая, что она имеет в виду, он взял оба пакета и попытался передать их ей.

Но она отмахнулась от них.

— Я спрашиваю номер той женщины.

— Ты могла бы просто сказать, — он прокрутил их диалог в голове, подтвердив, что она определенно этого не говорила.

— Это было ясно из контекста.

— Да, Ваше Высочество.

— Ты даже не представляешь, каким страшным может быть телевидение. Если СМИ что-то пронюхают, ты окажешься вовлеченным в мгновение ока! Я уже вижу камеры, следящие за твоим домом.

Сакута тоже мог их видеть. Он видел людей, вовлеченных в скандал, купающихся в осуждающих взглядах, вздрагивающих от вспышек, постоянные вопросы... а потом он представил себя в центре этого водоворота.

— ...

Он судорожно сглотнул.

— ...Меня уже тошнит, — сказал он, чувствуя, как его лицо побледнело.

— А если это действительно случится, ты будешь чувствовать себя в сто раз хуже.

Девушка нанесла свой завершающий удар. Сакута начал подозревать, что он допустил роковую ошибку. Холодок пробежал по его спине.

— В следующий раз будь осторожнее. Понял?

Май была раздражена, но не в неприятном смысле. Она отчитывала его, но с теплотой в голосе. Сакута понял, что ее гнев вызван искренним беспокойством.

— Ну так что?

— Я все понял. Буду осторожен. Но она уже...

— Да, и что? — Май снова протянула руку, — Ты ведь знаешь ее номер, верно?

Фумика дала Сакуте свою визитку. Он достал ее из бумажника и протянул девушке.

Май прочла лицевую сторону визитки затем перевернула ее.

— Написанный от руки номер сотового? Подозрительно.

Сакута почувствовал себя неудобно.

— Мне нравятся женщины постарше, но не настолько.

— Пфф.

Все еще недовольная, Май набрала номер на своем смартфоне.

— Май, что ты собираешься делать?

— Помолчи.

Она поднесла трубку к уху и повернулась к нему спиной. Фумика тут же взяла трубку.

— Извините за внезапный звонок, — начала Май, — Это Май Сакурадзима. Раньше мы работали вместе. Поверьте - это не розыгрыш. Пожалуйста, не вешайте трубку. Да, все верно. Май Сакурадзима. Я в порядке, спасибо. Вам удобно говорить?

Май решала проблемы с привычной легкостью.

— Я звоню, чтобы поговорить про Сакуту Азусагаву. Мы учимся в одной школе. Да, это так.

То, как спокойно она отнеслась к телефонному звонку, делало Май похожей на надежного, взрослого человека.

— Я бы хотела попросить вас не предавать огласке фотографию его шрамов на груди. Я также была бы признательна, если бы вы сократили количество экспертов, которым показываете фотографию. Да, очевидно, не бесплатно. Я предоставлю вам равноценную информацию.

— Подожди, Май!

Что она собиралась ей предложить? Сакута не хотел, чтобы она жертвовала собой ради него.

Май оглянулась через плечо, приложив палец к губам, словно успокаивала ребенка.

— Да, я знаю об этом. Я уверена, что информации, которую я предлагаю, будет достаточно.

Она снова повернулась к нему спиной.

— Я собираюсь закончить свой перерыв. Когда я это сделаю, я дам вам эксклюзивное интервью. Да, естественно, одного этого будет недостаточно. Но следующая часть должна быть убедительной.

Она на мгновение замолчала. То, что последовало дальше, прозвучало так, словно она задумала это еще давным-давно.

— Я не вернусь в агентство своей матери, а буду работать с другим.

Сакута, вероятно, был гораздо больше шокирован таким поворотом событий, чем Фумика Нандзе. Несколько недель назад, а затем и сегодня... они спорили об этом. Чем больше он настаивал на том, чтобы Май вернулась на работу, тем решительнее она отказывалась. Так что же именно она говорила? Она заканчивает свой перерыв? Как он мог не удивиться?

— Я уверена, что вы понимаете – эта тема будет иметь более сильный эффект в массах, чем новость об Азусагаве, в конце концов, большинство людей даже не поверят в эту историю. В любом случае, подумайте об этом.

Следующие несколько минут слышалось только «Да», «Верно» и «Согласна», поскольку Фумика хотела удостовериться в нескольких вещах.

— Значит, мы договорились? Я с нетерпением жду возможности снова поработать с вами.

Оставаясь вежливой до самого конца, Май повесила трубку.

Она снова повернулась к Сакуте.

— Вот и все!

— Прости.

— За что ты извиняешься?

— Спасибо тебе.

— Признаюсь, видеть тебя таким подавленным – довольно мило.

В этот раз Сакута не мог отшутиться. Он действительно был перед ней в долгу. Холодок, который он чувствовал, когда представлял себе камеры, преследующие его, полностью исчез. Он снова почувствовал себя в безопасности. И все это было делом рук Май.

— Но ты действительно возвращаешься?

Причем с новым агентством.

— В этом ты был прав, Сакута, — Май, похоже, просто не хотела признаваться в этом, — Мне нравилось сниматься в фильмах и телешоу. Это была тяжелая работа, но приносящая удовольствие. Я никогда не хотела останавливаться. И я не должна была лгать себе об этом. Теперь ты доволен?

— Вовсе нет. Это только начало!

— С-сейчас тот самый момент, где ты должен простить меня!

— Ты целых две недели меня избегала.

— А теперь я просто помогла тебе!

— Что есть, то есть.

— Уф... хорошо. Мне не следовало быть такой упрямой. Извини. Теперь у нас все хорошо?

Она явно ненавидела признавать свою вину, но также знала, что сейчас это было необходимо.

— Еще раз.

— Прости меня! Я сожалею обо всем.

— Если бы ты всегда смотрела на меня таким милым взглядом, это было бы прекрасно.

— Не испытывай судьбу.

Май схватила его за нос.

— Ай! Не делай этого! — он взвизгнул, его голос звучал приглушенно.

Май громко рассмеялась.

— Ты так нелепо звучишь!

Только тогда Сакута понял, почему она ждала его у дверей его квартиры.

Май пришла сказать ему, что возвращается на работу.

Она приняла решение еще задолго до того, как он поделился с ней тем, что рассказала ему Фумика.

Где-то в глубине души он чувствовал разочарование, но по большей части был рад за нее.

— В итоге, мир продолжает вращаться сам по себе.

— Что ты сказал?

— Просто разговариваю сам с собой.

Они снова двинулись в путь. Он чувствовал, что его настроение значительно улучшилось. Если решение Май излечило ее «Подростковый синдром», то все прекрасно.

Три минуты спустя...

— Вот мы и пришли, — сказала Май, останавливаясь у дома Сакуты.

— А?

— Я живу здесь, — уточнила Май, указывая на здание через дорогу. Она уже говорила ему, что живет неподалеку, но он не думал, что так близко. Это определенно была самая шокирующая новость за сегодня. Даже более шокирующая, чем ее возвращение на работу.

— Спасибо, что донес, — сказала она, забирая пакеты из его рук.

К сожалению, похоже, она действительно не собиралась приглашать его к себе.

— А, точно, Сакута...

— Да, Ваше Величество?

— Давай прогуляемся на этих выходных.

Он случайно назвал ее «Ваше Величество», но ее голос действительно имел властные нотки, которые, однако, ей действительно подходили.

— Как только я вернусь на работу, у меня не будет много свободного времени. Я живу здесь уже два года, но никогда не бывала в Камакуре. Забавно, да? Я обязательно должна туда сходить.

— Неужели так легко найти работу? — он бросил на нее недоверчивый взгляд.

— Я Май Сакурадзима, — сказала она.

Удивительно было то, что это не походило на слова гордости. Это было просто убедительно. Как простая констатация факта. Он чувствовал, что расписание Май быстро заполнится.

— Ох, но в воскресенье...

— У тебя есть что-то более важное, чем я?

— По выходным я работаю в первую смену. Утренняя суета и пик в обед.

— Так попроси кого-нибудь подменить себя... хотела бы я это сказать, но... — поначалу она явно имела это в виду, — Такое чувство, что ты заботаешься о работе больше, чем я, и это раздражает.

— Я заканчиваю в два, так что после этого...

— Агх, ладно.

Она наступила ему на ногу, намекая, что это действительно ее раздражает. Однако все же принимает это. Он не был уверен, ведет ли она себя по-детски или по-взрослому. Может быть, где-то между и тем, и другим сразу. «В двух словах это Май Сакурадзима» — подумал Сакута.

— Не смей мне ухмыляться.

— Как я могу не улыбаться? Ты ведь пригласила меня на свидание!

— Ах, это не свидание.

Отказ.

— Оуу.

— Ты так сильно хочешь свидания?

— Ну конечно! — он твердо кивнул.

— Тогда мы можем назвать его таковым.

— Круто, — он взмахнул кулаком.

— Ты так сильно рад?

— Ну, да.

— Хорошо. Пять минут третьего у ворот станции Фудзисава.

— Я работаю до двух, помнишь?

— Я дала тебе целых пять минут.

— Если в ресторане будет много посетителей, то я не смогу уйти вовремя. Дай мне еще немного времени, пожалуйста.

— Хорошо. В два тридцать. Если ты опоздаешь хоть на секунду, я уйду.

— Понял!

Итак, самым удивительным образом Сакуте назначили его первое в жизни свидание.

В тот вечер ликующие крики радостного юноши эхом разносились по ванной комнате Азусагавы.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/963718>